

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В середине XVIII в. идея свободы становится путеводной звездой. «Свобода, равенство, братство» – лозунг французской революции. Но, если внесенный в лозунг термин свободы до XVIII в. был наполнен глубоко осмысленным философским содержанием, то в XX в. философское и обыденное понимание свободы разошлись диаметрально. В этом ключе не лишне эти смыслы вспомнить, особенно имея в виду, как ярко и нестандартно они были разработаны в русской философии.

Идея свободы – главная тема философии Н. А. Бердяева. Философ убежден в самоочевидности свободы человека. То, что он сознает мир и тем самым возвышается над миром, говорит о его свободе от мира. Человек может познать свет, смысл, свободу потому, что в нем есть этот смысл и свобода. Свобода для Бердяева – это свободу духа человека, его само-

сознания, она не есть форма действия, но свобода воли. Философ считает невозможным объяснить ее причинно, из отсутствия свободы. В ней лишь можно изначально пребывать.

Первая свобода у Бердяева – нечто существующее до бытия и потому никак не может характеризоваться рациональным понятием. Ее можно принять лишь как факт мистического опыта. Но Бердяев не останавливается на мистике с ее расплывчатостью и неопределенностью. Он полагал, что человеку нужна «прозревающая мистика» или религия, которая предложит личности некие догматы, абсолютные точки метафизического бытия. Ими может быть догмат христианской религии о Боге-Творце и его трех ипостасях, о Христе и его пришествии, воскресении и страшном суде. Все это внеразумно и в то же время жизненно необходимо для того, чтобы люди обрели смысл в бессмыслице времени, превращающем существующее в несуществующее. Если какой-либо справедливый социальный строй избавит человека от страданий земного мира, то и тогда он лицом к лицу встретится с «чистым трагизмом» – трагизмом смерти. Идея философии Бердяева закладывается в его философско-публицистической интерпретации «Легенды о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. В этой легенде он видит «глубочайшие пророчества о судьбе человечества». В ней он выделяет главный сюжет – о трудности свободы.

Свобода предполагает выбор, шаг в неизвестность, чреватую опасностями и даже гибелью, поэтому человеку она не нужна, так как тяготит его жизнь. Человек слаб, он хочет спокойного существования, он ищет того, кто сам совершил бы за него выбор. Он примет науку, которая учит его подчиняться необходимости, эмпирический мир, своей массивностью принудивший человека признать его подлинность, социальную организацию, определившую за него, где и в каком качестве он будет пребывать.

Великий Инквизитор из любви к людям отбирает у них свободу, а взамен дает спокойную безответственную жизнь. Ради их же спокойствия он обещает сжечь на костре Сына Божьего, несущего истину о свободе. Но свободный выбор, так же, как и свобода не может быть детерминирован ничем. Свобода есть независимость человека и определяемость его личности изнутри, свобода его есть его творческая сила, она не есть выбор между поставленными перед ним добром и злом, а созидание им добра и зла. Такая свобода – это свобода только человека, и даже Бог не властнее над ней. Здесь очевидно намечается противоречие между требованием абсолютной свободы духа для личности и учением о Боге как об Абсолюте. Его Бердяев объясняет учением об Ungrund, добытийственной свободе, над которой не властен даже Творец. Этим снимается теодицея – проблема оправдания Бога-Творца перед миром бед и страданий в созданном им мире.

По своему содержанию Ungrund представляет собой ничем не обусловленную мощь творить, создавать что-то из ничего. Она – не добро и не зло, но в потенциале несет и то, и другое. Реальная проблема, которая предстает в мистифицированной форме Ungrund, – это историческое творчество людей. Причем совершенно очевидно, всегдашнее несовпадение замысла людей и результатов из деятельности. Не найдя объяснения

иррациональности истории в рамках самой истории, Бердяев выносит ее причины за скобки бытия, в Ungrund. Добытийственная свобода – некое потенциальное первоначало, разворачивание которого дает мир во всей полноте его определений. Человек выступает носителем добытийственной и, следовательно, абсолютной свободы. Как таковой, он ничему не подчинен, ни от чего не зависит, так как нет ничего, равносильного Ungrund. Этим Бердяев утверждает безусловное первенство человека над бытием во всех отношениях – онтологическом, познавательном, ценностном.

Все перестает быть объектом, получает свое существование от человека. Человек есть потенциальная возможность всего – оценки, действия, суждения. Но как он реализует эту потенцию – предсказать невозможно. В этом человек предстает как экзистенциальный субъект. Экзистенция исключает все, что намекает на связь с объектом – социальные, природные факторы, образующие человека. Но эта свободная личность существует в несвободном мире, т.к. в нем царствует необходимость. Но как возможен мир, если ему не принадлежит мир, т.е. подлинное бытие? Бердяев объясняет это следующим образом. Подлинное бытие (экзистенция) первична по отношению к любому возможному бытию, и, значит, – природному и социальному. Его философ называет объективацией, объективированным миром, т.е. он буквально есть отяжеление и материализация экзистенции. Превращение ее в объективированный наш мир есть объективация нашей духовности. Каков наш дух – таков и наш мир. Создание объективированного мира определено особым интенциональным актом экзистенции. Если интенция действительно создает мир, внеположный экзистенции, если последняя направлена вовне – это мир объектов, но направленная на самое себя, она обнаруживает себя еще в более глубинном и подлинном мире. Первую Бердяев называет экстериоризацией, вторую интериоризацией.

Понятие объективации – важнейшее в философии Бердяева. Обозначив так противостоящий экзистенциальному субъекту мир, философ не признает истинность его (мира) существования. Реальность объективации – это реальность предиката, но не субъекта.

Реальность – это качество бытия, но не само бытие. Объективация означает, что нечто существует, а не то, что существует. Мир объектов, если речь идет о экзистенциальном субъекте, это мир социального общения, в котором отношение между личностями опосредовано нормами и законами, потеряна непосредственность и исключена свободная интимность. В ней люди выступают друг для друга как объекты, но не субъекты. Бердяев дает такие характеристики объективации, как отчужденность субъекта от объекта, господство необходимости, подавление и закрытие свободы.

Переосмысливая статус реальности земного мира, Бердяев переосмысливает представление о Боге. Бог – не господин и царь, он присутствует в свободе и любви, в истине, добре и красоте. Бог – высшая ценность нашего мира, и воплощая высшие ценности, мы раскрываем Бога в себе, возвращаем его в мир. Вторая свобода – это сознательная внутренняя свобода принять высшие ценности и жить ими. Человек начал свою историю с грехопадения. В истории надо различать два слоя – внешний, факты, и пласт мета-истории,

истории небесной. Первая интересна тем, что приоткрывает вторую. Историческое согласно Бердяеву – это то, что наполняет летописную историю объективным смыслом. Но смысла нет вне личности. Объективный смысл истории надо понять, как личный смысл.

По мнению мыслителя, этот смысл нельзя открыть в рамках старого христианства, т.к. оно не понимало творческой природы человека. Грехопадение трактовалось как признак слабости, а не творческой возможности человека. Бердяев призывает к творческому христианскому антропологизму, который будет историю и культуру людей рассматривать как проявление их творческой мощи. Творчество и свобода – и едины, и различны. В мире объективации творчество – это актуализация, выявленность свободы, которая составляет самость человека. Источником определенности такой свободы может стать только тот, кто непосредственно соединяет высшую, божественную, и низшую, тварную силу – Христос. Только в нем человек узнал Бога как высшую и личную ценность. Но как можно говорить о свободе «для», так можно говорить и о свободе «от», так можно говорить о божественно и злом творчестве. Бердяев определяет творчество как прирост, превращение ничто, небытия в бытие. Он говорит о трех элементах творчества: 1. Свобода, потенциальная новизна; 2. Дар, гений. Человек получает его ни за что, но получает от Бога, поэтому он – орудие Божьего промысла. Творец первую свободу переплавляет во вторую.

Третьим элементом творчества выступает уже сотворенный мир, в котором творчество совершается и из которого оно черпает материал. В мире объективации имеются точки кипения, в которых, подогреваемые метафизическими ключами, переплавляются природные материалы, образуя новые по существу сочетания, и в новых сочетаниях обретая новый смысл. Творчество – это просветление бытия. Через человека-творца природный и социальный мир восходит к Богу. Творчество – это ответ человека на зов Бога и встреча с ним. Это есть третья и настоящая свобода.